

білдіремін. Назар салып тындағандарыңызға үлкен рахмет! Сау болыңыздар!

Әдебиеттер тізімі

1 Қонаев Д. Өтті дәурен осылай естелік-эссе, РГЖИ «Дәуір», МП «Ынтымақ».–Алматы, 1992 ж. – 448 б.

2 Ақыш Н.Б. Қазақ мемуарлық романы.– Алматы, 2009. – 44 б.

Резюме

В данной работе полностью проанализирована книга Д. Конаева «Өтті дәурен осылай», написанная в жанре мемуар. Личная жизнь была

тесно переплетена с государственной деятельностью, большое место в книге отведено воспоминаниям о его общественной роли. Подводя итог, можно утверждать, что воспоминания – это нечто большее, чем эпизоды из прошлого, повод воспринять духом в трудный момент и отдать дань памяти тем, кто был рядом.

Conclusion

This article about memorial book «Өтті дәурен осылай» by D.Konaev. All Konaev`s life was contrasted with state. By own life example he had shown that the state problems are more important unless individual. Article`s conclusion is sometimes our individual life can have state importance.

БУДЕМ ЖИТЬ ВОПРЕКИ... О СТИХАХ НАШЕГО ЗЕМЛЯКА АНАТОЛИЯ КОШТЕНКО

Бондаренко Ю.Я.

*От злых кошмаров не надо маяться.
Бессильны сонмы когтистых недугов.
Мы не уходим – мы растворяемся
В глазах и жилах. Друзей и недругов.*

Василий Бон

Мы внимаем громким именам, ценим пришедшее издалека, порой не придавая особого значения своему, родному, тому, что рядом. А это родное бывает не меньше достойно внимания, чем то, что широко известно далеко за пределами нашего собственного края. О рано, очень рано ушедшем из жизни Анатолии Коштенко, который не прожил и тридцати, не забыли. Его памяти посвящены ежегодные поэтические конкурсы, проводящиеся энтузиастами в г.Костанай. Но, думается, он, как и всякий поэт, достоин не только этого, но и вдумчивого разговора о его стихах. Если забыто Слово, то чего стоят все конкурсы, звания, лауреатство и ритуально-юбилейные чествования?

Этот разговор о стихах Коштенко и предлагается читателю, не по поводу, а именно о стихах. Автор статьи не собирается на критических весах взвешивать меру таланта Анатолия либо рассыпаться в похвалах его «мало оцененному величию». Слишком уж модной стала сегодня фабрикация великих. Парадоксально, но факт! Забывая, порою просто по недообразованности, одно, мы, словно боясь остаться ни с чем, лихорадочно штампуем кумиров, людей не обыч-

ных, не преминув, как водится, упомянуть при этом и о себе, родимом, который сподобился некогда причаститься этим величием, то ли распив общую бутылочку, то ли пройдясь рядом по тротуару... да и так ли уж это важно? Главное, чтобы старательно раздутое величие одних возвышало нас самих. По крайней мере, в наших же глазах.

Как бы то ни было, здесь традиционной критико-аналитической оценки стихов не будет. Мы лишь постараемся вместе с читателями стать камертонами, попытаемся почувствовать Слово – то есть устремимся к тому, от чего нас так старательно отучает наше нынешнее слишком уж ревностно заентованное и опэгэкашенное (1) образование. Поскольку же речь идет о стихах, то тут уж никуда не деться и от своего личного их ощущения. Ведь, как это ни банально, а стихи – это не формулы или уравнения, которые на разных континентах должны прочитываться одинаково. Стихи – это облитые светом или погружающиеся в тень миры, своего рода селения духа, будь то мегаполисы или крохотные хутора, – они видятся, ощущаются и в зависимости от льющегося на них дневного ли, вечернего ли света и

нашего собственного состояния, того ракурса, который определяет чье-то восприятие Поэта.

Я не случайно заострил внимание на этом. Дело в том, что, читая сегодня стихи Коштенко, мы уже знаем, почему он так рано ушел из жизни; и причина – не трагическая случайность, а болезнь, возможно, связанная с его срочной службой на подводном флоте. И от знания этого уже никуда не деться. Читаешь и чувствуешь разлитую в стихах печаль. Но, говоря уже пушкинским языком, эта печаль светла, она дышит жизнью, несет в себе острее ощущение малейших ее нюансов. Вроде бы нет в этих стихах ни великих строк, ни разлитого во флаконы громких строк запаха целины, ни фанфар строителей светлого будущего, как нет и «дули в кармане», «двойного дна» или каких-то диссидентских «штучек». И этим он напоминает Н. Рубцова. Но перед нами не Рубцов, а другой человек. Если хотите – советский человек, ведь он из того мира. Да, из того мира. Только выходящий не на парад или упорный труд «во благо», а на улицы и обычные тропки, и неоглядные пути – дороги, еще не ведающие ни таможен, ни регистраций. Человек, внутренне совершенно свободный, не «замороженный», как сказали бы сейчас, бумажной суетой и необходимостью проламываться к успеху. А то и просто мыслями о физическом выживании в неоджунглях. Утренний человек со свежим взглядом, оставляющий брызги своих, личных, ощущений жизни на листах бумаги.

Он не гонится за Временем, не спешит запечатлеть его портрет. Но Время само естественно и ненавязчиво проступает в тех или в иных стихотворных строках. То всплывают слова «машины частников» [2, 17], мимоходом несущие сквозь десятилетия одну из черточек времени. То «старые хоккейные катки», которые вместе с дворовыми турниками и теннисными столами давно потеснены беспорядочным новостроем и горами авто. Роняя эти слова, поэт, равно как и все мы, тогдашние, наверное, и подумать не мог, что вот так, мимоходом, словно в случайной блиц-вспышке сохраняет черточки преходящего.

И при этом в его стихах свой мир. Но, думается, главное, что этот мир – поэтический, мир образов, обретающих собственное существование. Те же «старые хоккейные катки», судя по всему, уже весной, но пока деревья еще голые, словно у лотошников лотки, после распродажи опустели» [2, 6]. Образы перетекают в звуки, звуки струятся образами: «душа настороже, как пес в сторожке» [2, 5], и «робко каменные зданья в ладонях города стоят» [2, 9].

Эта образность, словно неяркий свет, льется на читателя. Легкая и органичная. Вот прорисовывается безыскусственно очерченная «сухая осень». Костры картофельной ботвы и «память на приколе, как старая разбитая ладья» [2, 4]. Вот уже в совсем иных стихах «легким строем трирем разворачиваются облака» [2, 20], а полевой осенний ветер «как бард над элегическим простором гуляет с непокрытой головой» [2, 17]. То тысячелетней тайной, «привстав на носки, серебрясь на воде и двоясь в объективе балкона, расплывается солнце – Египетский образ тоски». И светоч, образ и символ, несущий в себе, как магическая матрешка другую матрешку, уже иную загадку – загадку человеческой жизни:

«Это ж надо поверить,
что солнце – отец мой и бог!

Анонимность творенья,
как боль, не давала покоя.

Я пощады просил.

Я любовью к нему занемог.

Только жизнь у меня, объясни, что
это такое!» [2, 27].

А сколько мягкого очарованья в строках о мартовских ночах, которые, словно влага в знойный день, сами льнут к губам:

«... Лепетанье что ли Парки
В парк увлек ночные мысли?

На снегу лиловом в парке
Тени стропами повисли.

Чуткий снег – на грани сказки
– залил землю... и казалось
К звездной перистой окраске
Кисть Ван Гога прикасалась.

Нет не книжность самоучки,
Нет, поверьте, ее цитата –
Видно, в длительной отлучке

Был я где-то, жил когда-то
 Ночи марта, вы – изгнанье.
 Не с того ль глаза мне сузил
 Узелком напомниманья –
 Давней грусти жесткий узел,
 Что завязан на дорогу
 Расставаньем на вокзале,
 чтоб сквозь годы, через сроки,
 мы друг друга осязали... [2, 28].

Но случайно или нет, в том, что сохранилось, а сохранившись, вошло в крохотный сборник стихов «Утренний человек», выпущенный тиражом сто экземпляров литературно-художественным объединением «Берега», проступает предощущение (?) боли и краткости отмерянной поэту жизни. То всплывает «овал стекла, похожий на слезу». Может, пока это только молодая грусть с ее не востребованно-нерастраченным избытком сил? А может, то «воздух даровой». Миллиарды людей вдыхают его. Но ощутить этот дар обычно так же трудно, как здоровому – способность ходить и бегать. И, словно делая недостающий мазок в картине, рисующей раннюю весну с ее последним снегом и грязью, Коштенко роняет: «Не хватает гнезд над головой, как после болезни витаминов» [2, 6].

И в завершение пронзительное:
 «... Но однажды в больничной палате
 Медсестра в белоснежном халате
 Журавлихой над ним отпоет.
 Но сквозь немочь, смежившую веки,
 Вдруг ударит щемящей из нот
 Сквозь года зазвучавшие реки
 Над раздольем осенних немот.
 И деревья. Что были любимы,
 А теперь – поотбились от рук,
 Только крошечком красной рябины
 По дорогам кровавят каблук.
 Только слышно, как ветром продукты,
 Под звездой замирают леса...
 И в тиши уходящей минуты
 Ничего не пропеть, не связать» [2,23].

Но в завершение ли? Ведь молодость до самого конца не приемлет возможность своего ухода из этого мира. Не потому ли она так бесшабашна, так отчаянно готова к решительным ответам на самые отчаянные вызовы? Не отсюда ли и вызывающе дерз-

кое восклицание: «Будем быть навсегда. Мы не будем прекращаться, друг друга лишая, – это слишком несвойственно людям.

Хватит всем! Жизнь такая большая.
 Будем жить вопреки. Будем снова
 После нас.
 И в году сорок первом –
 Беспокойная наша основа –
 Снова ударит по нервам.

Свет заводит мосты через лету
 От химер и харонных схоластик.
 О, как странно несвойственны свету
 паутинные тени от свастики,
 от колючек голодного гетто...
 Мы – не те, что потеряны где-то.
 Нас нельзя потерять
 Мы при свете». [2, 11].

С какой поразительной силой сплавлено в этих строках наше прошлое и еще неразличимое в те не столь уж далекие годы наше настоящее, сугубо личное, индивидуально живое и наше общее! Какой новый, глубинный, смысл проступает в этих раскаленных строках сегодня, когда судьбы наших культур и народов колеблются над пропастью небытия, а «несвойственные свету паутинные тени от свастики» можно узреть на земле, напоенной кровью миллионов своих сынов и дочерей, рвавших эту паутину и погибавших за свет либо, говоря менее пафосно, просто не выживших в годы страшной, всемирной битвы со Злом, которое, увы, так и не искоренили.

И, может быть, в этом-то чудо реальной, живой Поэзии, что, вопреки постмодернизму, она, не утрачивая смыслов, вложенных определенным временем и определенным, но обязательно живым, личным опытом, опытом пусть не событий, а сердца, в новые времена продолжает играть новыми красками и ощущается волнующе современной?

Конечно же, сборник, выпущенный почти через тридцать лет после ухода из жизни Анатолия, далеко не полон. Конечно же, что-то в его строках может показаться несовершенным, неотшлифованным, как и всякая молодость. И это естественно. Ведь в какой-то мере собранные стихи – это не просто творчество, а и разминка перед стартом. Стартом, которому не суждено

было одарить нас, возможно, совсем иными, более зрелыми стихами. Но стартом, который, думается, все же состоялся. И свидетельство тому наша память и тоненький сборник, который, словно выпорхнувший из гнезда (а может быть, клетки?) птенец, продолжает жить своей собственной жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 ЕНТ – своеобразный казахстанский аналог российского ЕГЭ, но только более привязанный к тестам. Возможно, ныне и необходимый, но имеющий немало минусов фено-

мен. ПГК – Пограничный гос.контроль – тестовая форма проверки знаний по ряду предметов, включающих и философию у вузовских студентов, заканчивающих второй курс.

2 Коштенко А. *Утренний человек.* – Костанай, 2009.

Түйін

Мақала өмірден ерте кеткен Қостанайлық ақында А. Коштенкоға арналған.

Conclusion

The article is dedicated to Koshtenko poet who died very young.

ПРОБЛЕМА НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Бондаренко Ю.Я., Жиентаева К.

Проблема новых ценностей и смыслов сегодня, на рубеже двух тысячелетий, обретает глобальный характер. Но особенно остро она ощущается на постсоветском пространстве. Причем не как плод теоретических исканий, а как проявление ситуации, вырисовывающейся в многообразных проявлениях нашего непосредственного бытия. Касаясь этой проблемы, уместно было бы вспомнить, с одной стороны, известную трактовку логики осмысления этой проблемы в историко-философской мысли на протяжении целых столетий, с другой – ее постмодернистское преломление.

Как было подмечено еще известным советским философом М.А. Кисселем, «проблема ценностей в предельно широком значении неизбежно возникала в эпохи обесценивания культурных традиций и дискредитации идеологических устоев обществ. Кризис афинской демократии заставил Сократа впервые поставить вопрос: «Что есть благо?» Это основной вопрос общей ценностной теории. Аксиология как самостоятельная область исследования возникает тогда, когда понятие бытия расщепляется на два элемента: реальность и ценность как объект разнообразных человеческих желаний и устремлений» [1]. В русской народной мысли можно даже встретить разведение таких понятий, как правда – истина и правда – справедливость.

Эти четкие рассуждения удивительно точно выражают не только логику прошлого, но и нынешнюю ситуацию, ситуацию колоссальных изменений, как в системе доминирующих человеческих ценностей в мировом масштабе, так и на огромных просторах бывшей царской России, затем СССР и нынешнего постсоветского пространства. Здесь грандиозная ломка базовых ценностей осуществлялась, как минимум, дважды: при переходе к строительству так называемого социализма, а позже – при повороте к так называемому рыночному обществу. (Мы намеренно употребляем слова «так называемый» для того, чтобы уйти от дискуссий о точности и правомерности их употребления в современной науке).

Но обе ситуации кардинальных, «революционных» ломок устоявшихся ценностей имеют как сходства, так и отличия. К сходствам можно отнести их масштабность и кардинальность. К отличиям же, видимо, то, что в годы революций, Гражданской войны и складывания советского общества произошла поразительно быстрая смена эталонов. Иными словами, тотальная ломка сопровождалась строительством новой, предельно четкой и ясной системы ценностей, причем с использованием уже известных приемов, образцов и архетипов, которыми, однако, дело не ограничивалось. Достаточно вспомнить, что отвержение прежних куми-